

Теоретические и политические сражения Арриго Черветто

II

Публикуем отрывок из предисловия к готовящемуся изданию избранных работ Арриго Черветто.

«Ни Вашингтон, ни Москва», «Ни Трумэн, ни Сталин» – этих лозунгов было достаточно для обоснования интернационалистской борьбы: против влияния на фронте сталинской ИКП, а также, на противоположном фронте, против проамериканских «западнических» иллюзий, распространённых в некоторых течениях анархистского индивидуализма. Бороться нужно было с *унитарным империализмом*, выражением которого были и США, и СССР.

1951 год, Генуя-Понтедечимо

В идеологическом накале *холодной войны*, усугублённом *корейской войной*, третий мировой конфликт считался неизбежным; «*грядущая война*» – так назывался написанный с троцкистских позиций памфлет, в целом склонявшийся на сторону СССР, но отражавший распространённые настроения. Здесь одного интернационалистского принципа оказалось недостаточно. Утверждать, что война между Вашингтоном и Москвой неизбежна, объяснял Черветто пятнадцать лет спустя в другой судьбоносный момент – в конце *Пражской весны*, раздавленной гусеницами русских танков, – значит игнорировать ключевую силу в борьбе держав, европейский империализм: сама Ялта показала, что между США и СССР существовало фактическое взаимопонимание, «*действительный раздел*», направленный на то, чтобы сохранить Европу разделённой.

24–25 февраля 1951 года на конференции в Генуе-Понтедечимо были сформированы АГПД (Анархистские группы пролетарского действия) с целью борьбы внутри ИАФ (Итальянской анархистской федерации) за «*ориентированное и федеративное*» движение либертарного коммунизма. Эта дата стала точкой отсчёта для формирования группы, которая спустя пятнадцать лет создаст организацию Lotta Comunista. Уже при подготовке конференции между Мазини и Черветто возникли теоретические и политические разногласия. В вопросе о государстве Мазини опирался на либертарную традицию, в частности на *Платформу Аршинова*, тогда как Черветто – упрекавший себя позднее за это – отстаивал в Понтедечимо анархистскую идею «*одновременной ликвидации*» государственного аппарата в момент революционного восстания – в то время как уже размышлял о ленинском «Государстве и революции» и о диктатуре пролетариата как временной форме *государства-негосударства*. Разногласия касались и вопроса об империализме: Черветто призывал к размышлениям об *унитарном империализме*, который не следует воспринимать как однородное тоталитарное целое, тогда как Мазини не хотел обсуждать эту «*проблему*», опасаясь, что марксистская терминология помешает агитации в анархистской среде. Черветто также возражал против размытой и «*опаснейшей*» формулы «*Третьего фронта*», который противостоял Москве и Вашингтону. Заимствованная у французских либертарианцев во главе с Жоржем Фонтенисом, эта формулировка таила в себе опасность смешения с течениями проевропейского «*третьефронтизма*».

Борьба на Ilva и плодотворный год в Аргентине

Едва начавшись, дискуссия о Третьем фронте была прервана борьбой, в которую Черветто оказался втянут против своей воли – с последующим увольнением с металлургического завода в Савоне: «*После нескольких месяцев борьбы я стоял перед угрозой увольнения с “Ilva”. Я видел, сколько вреда нанесло рабочей борьбе влияние сталинизма, который использовал её против Плана Маршалла и в пользу СССР. Было легко скатиться на позиции выжидательства и нигилизма. Поэтому я боролся за постоянное участие в рабочей борьбе и профсоюзной деятельности, даже с позиций абсолютного меньшинства*».

Случай с «Ilva» свидетельствует о ещё одном сражении, которое малочисленная группа, стоявшая у истоков будущей организации, вела в первые послевоенные годы и на протяжении 1950-х годов – о политической и профсоюзной борьбе в условиях послевоенной реструктуризации и в последующего подъёма, положившего начало тридцати годам *экономического чуда*; в этой борьбе «*крайне ограниченного меньшинства*» в CGIL центральную роль играл Лоренцо Пароди, начавший как член фабричной группы Ansaldo в

Генуе, а затем вошедший – по инициативе Комитетов профсоюзной защиты – сперва в провинциальный комитет FIOM, а затем в национальный исполнительный орган CGIL.

В июне 1951 года увольнение заставило Черветто вернуться в Аргентину. О том годе, проведённом в Буэнос-Айресе, “Тетради” оставили нам страницу достойных внимания размышлений по поводу политэмигрантов испанской войны, которые нашли там убежище: *«Я сидел в барах, которые посещали в основном испанские политические эмигранты. Анархо-синдикалисты, члены ПОУМ, сталинисты, социалисты. Из итальянцев нас было только двое, я и один молодой анархист из Апулии, с которым мы сдружились. Были и аргентинцы, но мало интересовавшиеся политикой. Были евреи – политизированные интеллектуалы. Я подолгу молча слушал всех этих людей. Они говорили, что я знаю больше них, но я научился многому, слушая их рассказы о злоключениях в охваченной войной Испании, о бесконечном количестве эпизодов с безымянными героями – части нашей современной истории, – их воспоминания о легендарных Аскасо и Дуррути, истории о ненависти, страстях, ошибках, наивности, мелочности. Днём я читал мемуары и исторические книги о войне в Испании, которые я сметал с прилавков. Эти труды давали мне достаточно стройное и рациональное представление об этой странице истории, потому что позволяли систематизировать скопление фактов в соответствии с основными контурами их толкования. Однако, многие вещи я по-настоящему понял, только слушая этих людей – даже когда замечал, что они путают даты или преувеличивают значимость событий, в которых участвовали. Нет ничего глупее и бесполезнее, чем стремиться расставить точки над *i* по поводу реальности, фактов, людей, пытаться одеть на мир штаны¹. Это мелочная дотошность тех, кто не понимает, что жизнь – это страсть, действие, борьба, а не исследовательский объект. Логике следует искать в динамике фактов, а не в головах людей.*

Теми знойными ночами в оживлённом центре Буэнос-Айреса я проводил целые часы, как люди рассказывают о своей жизни и о событиях, в которых им довелось участвовать. Для них история была такой, какой они её помнили, а не такой, какую я мог бы для них разъяснить своими историографическими уточнениями».

Однако тот год в Аргентине был своего рода плодотворным изгнанием, потому что Черветто смог изучить и углубиться в темы марксистской теории и международной политики с другой точки зрения. Аргентина, с её эмигрантами и беженцами, представляла собой, с одной стороны, крайний западный отросток Европы, но в то же время принадлежала к совсем другой стратегической шахматной доске: это было последнее ответвление США в западном полушарии. Из Буэнос-Айреса можно было взглянуть на мир под другим углом – это, в частности, объясняет, почему американская литература по международной политике так быстро появлялась там в испанском переводе. Это чтение открывало перед Черветто горизонт от Атлантики до Тихого океана; в книге “*Los Tres Grandes*” Дэвида Далина, бывшего меньшевика, нашедшего убежище в США, предсказывалось восстановление Франции, Германии и Японии после разрушений военного времени. Аналогичные оценки встречались и в других авторитетных источниках из итальянской прессы, обзор которой Черветто получал от товарищей из Генуи, и так же – позже, осенью 1952 года – в эссе самого Сталина, обсуждавшемся в международной прессе.

Оттуда Черветто почерпнул видение отношений между державами как многополярных, что ускользало от распространённого представления, ограниченного биполярностью США и СССР. Идея о грядущей новой мировой войне не подтверждалась ни реальным соотношением сил между Вашингтоном и Москвой, ни признаками отсоединения европейских держав от США; Германия снова набирала силу, как и Япония.

Вернувшись в Италию после этого года учёбы, Черветто инициировал жаркие дебаты внутри АГПД. По его мнению, теперь стало очевидно, что углублённое изучение *унитарного империализма* необходимо для ориентации милитантов – иначе они попадут под влияние пацифистских кампаний сталинизма: так отчасти и произошло с туринской группой, захваченной пацифистской и пророссийской пропагандой ИКП.

Мазини оспаривал анализ Черветто; он продолжал верить в неизбежность войны и не придавал значения выделению Европы в качестве *третьей силы* между США и СССР, хотя признаки этого были налицо – в виде создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое предвосхитило Европейский общий рынок. По иронии судьбы, в конце своей политической жизни Мазини был захвачен теми самыми силами, существование которых он

отрицал: когда кризис сталинизма в 1956 году и создание Европейского общего рынка в 1957-м дали “европейцу” Пьетро Ненни силы отделиться от ИКП, Мазини решил, что сможет увлечь либертарианцев в автономистское крыло социалистической партии.

С этой битвой 1952 года политическая борьба внутри либертарного коммунизма подходила к концу; вскоре возможности работы в анархистской среде ИАФ были исчерпаны, а кризис сталинизма открыл новые горизонты – в рядах диссидентов ИКП. Это столкновение, однако, показало, что изучение международных отношений является необходимым условием для политического действия. Важно было сохранить независимость не только от русского и американского империализма – «ни Трумэн, ни Сталин», – но также и от империализма европейского и итальянского. В этом смысле то *сражение в либертарном коммунизме* стала основополагающим моментом для формирования концепции *партии-стратегии*.

Кризис сталинизма и хождение по кругу в Azione Comunista

В течение 1950-х годов произошли решающие события, положившие начало длительному циклу неравномерного послевоенного развития и вызванному им изменению баланса сил между державами.

В 1953 году смерть Сталина открыла фазу мучительной борьбы за “престолонаследие” в СССР, которая завершилась только в 1958 году с окончательным утверждением Никиты Хрущёва. Относительная слабость Москвы и трудность для российского государственного капитализма сохранить контроль над сферой влияния, закреплённой ялтинским разделом, проявились в забастовках в Берлине в 1953 году и Польше в 1956-м, и прежде всего в венгерском восстании 1956 года. Позже то же самое повториться с Пражской весной 1968 года: российский империализм должен был компенсировать недостаток экономической мощи военной силой; Вашингтон позволил ему это сделать.

В 1954 году поражение Франции в Индокитае и начало алжирского восстания продемонстрировали ускорение антиколониальных революций; в 1955 году Бандунгская конференция впервые выдвинула новые отряды буржуазии неприсоединившихся стран на авансцену международного противостояния.

Таким образом, именно «роковой» 1956 год стал решающим моментом, когда эти тенденции соединились. В феврале доклад Хрущёва на XX съезде КПСС обнажил кризис сталинизма, который затем ускорился забастовками в Познани в июне и русскими танками в Будапеште в октябре. Лидер молодого египетского капитализма Насер в июле принял решение о национализации Суэцкого канала; в октябре из-за давления США в ходе Суэцкого кризиса провалилась попытка военной интервенции Франции и Великобритании. Сочетание этих двух кризисов выявило логику ялтинской биполярной системы отношений: Москва смогла подавить венгерский мятеж в своей сфере влияния, а Вашингтон – унижить европейских союзников в своей.

Эти события стали испытанием для АГПД и Черветто, который в то время превратился для них в ключевую фигуру в анализе империализма и международных отношений. Теоретические сражения и научный анализ тенденций унитарного империализма, природы СССР как государственного капитализма, мирового капиталистического развития и восхождения новых национальных буржуазий в антиколониальных революциях стали политическими битвами за завоевание и ориентацию милитантов.

Кризис сталинизма отразился на всей системе партий-государств под патронажем Москвы в Восточной Европе, а также на ИКП и ФКП на Западе. Уже в 1955 году появление Azione Comunista – движения с максималистским отпечатком, порвавшее с тольяттинской ИКП, – рассматривалось в АГПД как возможность выйти из изоляции, заменив иссякшую к тому времени линию поиска кадров среди либертарианцев ИАФ на работу среди диссидентов ИКП. Черветто предпочёл бы вести эту политическую борьбу извне, сохраняя автономию первоначальной группы, отобранной в АГПД, но возобладал выбор в пользу слияния в единое формирование.

Вот некоторые отрывки из воспоминаний Черветто, направленного тогда в Милан – в редакцию новой газеты движения: *«По правде сказать, я думал, что мог способствовать процессу формирования революционного движения в Италии посредством тактики, которая не вовлекала бы нас напрямую в инициативу Azione Comunista. Но товарищи, ослеплённые представившемся случаем, не понимали этого.*

Я ошибся, не настояв на своём предложении и не добившись раскола в организации. Как политик я сожалею, что за эту ошибку заплатил годами потерянного времени; как militant – нет. Доведение дисциплины до её логического конца было для меня уроком более глубоким, чем любой другой, потому что всегда легче навязать дисциплину другим, чем себе самому.

Со временем я понял, что, возможно, чуть больше индивидуалистской гордости помогло бы ускорить процесс формирования ленинистской партии в Италии. Идеи, которые у меня были уже тогда, могли быть реализованы на несколько лет раньше, и мы подошли бы к стихийным протестам 60-х с уже сформированной группой, а не с ещё неоформленным течением».

«Весна всё не наступала, а я оказался в Милане – хотя вовсе этого не хотел. Но я отнёсся к своей задаче с максимальной ответственностью. Впервые за долгие, тяжёлые годы у меня появилась возможность полностью отдаться работе. Казалось, что я вернулся на десять лет назад, в “красную весну”, когда я тоже приехал в Милан – вскоре после восстания. Тогда нужно было быть осторожным, потому что по дорогам проносились машины с фашистами, которые стреляли по тем, кто был одет как партизан. Мы не обращали на это внимания и остановились в каком-то пансионате, чтобы устроить праздник с девушками, которых удалось найти в этом хаосе.

Те же зелёные аллеи, трамваи, вынырывающие из-за деревьев – но теперь никто не стрелял. Машины уже были не те, немногочисленные и опасные, – теперь их было достаточно, чтобы почувствовать, что мегаполис развивается полным ходом. Я собирал данные о FIAT и моторизации, размышляя о её неизбежных социальных и политических последствиях – на которые, впрочем, ясно указывал и провал профсоюзов в Турине в 1955 году.

“Красная весна” уже не была той, наивной весной. Она всего лишь была одной из вёсен “оттепели”. Всё приходило в движение. Империалистический порядок, который с 1945 года держал мир в клетке, начал давать трещины на Востоке. С 1953 года я прислушивался к глухому гулу, доносившемуся из глубин унитарного империализма. В марте 1956 года разговоры о XX съезде и череда событий в Восточной Европе указывали, что приближается буря. Мы писали об этом в L'Impulso.

Я знал – и писал об этом, – что эти события не означают приближения революционного кризиса на Западе, но знал и другое: переворачивалась страница истории.

Той тёплой весной я вдоль и поперёк исколесил Милан, встретил сотни людей, поучаствовал в десятках собраний.

Милан представлял собой наиболее оживлённое место в эволюции политических движений в Италии. Внимательно наблюдая за ними, я смог получить довольно точное представление о текущих тенденциях и их вероятном развитии. Я снова оказался в ситуации, где можно было наблюдать действительность в её сути. Я старался уловить тот самый переходный момент, когда бесконечные разговоры начинают оборачиваться реальными действиями. Другие продолжали мечтать о массовом революционном движении, а я наблюдал процесс социал-демократизации масс.

Кризис сталинизма, пожалуй, усилил этот процесс, но в неизбежной ломке, сопровождавшей переходный период, высвобождалась энергия, которую можно было собрать для строительства весомой ленинистской партии и восстановления той линии, которая началась в 1917 году и прервалась в 20-е.

В этом смысле был прав Мазини: Azione Comunista представляла собой уникальную возможность. Я считал, что Azione Comunista осталась бы такой и без нашего участия. Но я уже был внутри и, в отличие от Мазини, смотрел больше в будущее, чем в настоящее; пока же имело смысл подталкивать её в наиболее выгодном направлении».

«Был разгар того самого лета 1956 года. Публикация доклада Хрущёва произвела эффект взрыва, вышла газета Azione Comunista, к которой начали стекаться люди самого неопределённого толка. С моей точки зрения, речь шла о попытке оказать влияние на хаотичное и противоречивое движение, сделав ставку на концепцию кадровой ленинистской партии и проблему социальной природы СССР. Я подготовил серию статей о государственном капитализме в России».

В декабре 1956 года в Милане манифестация в кинотеатре “Данте” стала публичным дебютом этой инициативы. На ней объединились АГПД, преобразованные к тому времени в

Либертарно-коммунистическую федерацию (ЛКФ), где уживались разнонаправленные взгляды Черветто и Мазини; максималисты из Azione Comunista, среди которых выделялась фигура Бруно Фортикьяри, одного из основателей Коммунистической партии Италии (КПИ); троцкисты из группы Ливии Майтана и диссиденты-бордигисты во главе с Онорато Даменом: «Мы работали две недели, чтобы организовать первый политический митинг Коммунистической Лево́й – движения, пытавшееся объединить группы диссиденто-коммунистов и вернуть их к “десяти пунктам Ливорно”. Милитанты, которые в течение 30 лет были вынуждены выступать лишь на узких встречах, часто во временных офисах или на квартирах друзей, вдруг получили возможность обратиться к тысячам слушателей. Я мог бы быть доволен уже потому, что внёс вклад в этот успех. Но в большей мере я радовался за них. Выступали Бруно Фортикьяри, Онорато Дамен, Майтан Ливия и Пьер-Карло Мазини; когда они закончили, весь зал встал на ноги и запел “Интернационал”. Кое-кто не скрывал слёз. Я знал этих людей, знал, сколько лет тюрем, сколько страданий, сколько разочарований, сколько надежд стояло за этими слезами. Это был реванш за поражение, которое нанесла им история. Это был ответ на клевету сталинизма. Это была награда за долгое ожидание. Для многих это стало возвращением молодости.

Я оказался в атмосфере, которая вернула меня в последние дни войны. В памяти всплыли те годы борьбы, бесконечные собрания по всей Италии, страстные ночные дискуссии, доклады во Флоренции, Болонье, Ливорно, Пизе, конференция в Понтедечимо. В одном из углов зала я был вовлечён в оживлённую беседу со знакомыми и незнакомыми товарищами. Но я знал и другое: один энтузиазм не способен породить революционную организацию с ясной политической линией, способной отвечать на вызовы, которые ставило развитие капитализма в Италии. Чувства, объединявшие присутствующих, не могли объединить те политические идеи, которыми они вдохновлялись. Митинг обозначил проблемы, но не решил их.

Во второй половине дня на собрании в Гуманитарном обществе² я первым поднял вопрос стратегии и поставил проблему социальной природы СССР как ключевого различия. Для многих я оказался “убийцей праздника”.

В итоге только АГПД и Azione Comunista объединились в Движение коммунистической лево́й. Однако тот же кризис 1956 года породил у многих избирателей ИКП иллюзии широкого сдвига и совпал с автономистским поворотом ИСП под руководством Пьетро Ненни. Это повлияло на Azione Comunista и на самого Мазини: «Я курсировал между Миланом и Савоной. ИКП переживала кризис интеллигенции, которая вслед за А. Джолитти покидала её, основывая газеты и журналы, а также присоединяясь к ИСП, провозглашавшей свою независимость от сталинизма. Это, как я и предсказывал, воздействовало на движение Azione Comunista, где Мазини и другие видели выход в обновлённой ИСП, способной ослабить влияние сталинизма. Я испытывал сильные сомнения, в том числе потому, что хорошо знал массы ИКП и был достаточно знаком с ИСП. Я и сам – путь и очень недолго – был очень активным милитантом ИКП и знал, как подобные мне, посвятившие политике всё, а порой и всю свою жизнь, воспринимали ИСП. Эта партия считалась двусмысленным сборищем людей, не готовых по-настоящему бороться и склонных к компромиссам – причём не в качестве тактической уловки, а в качестве политического решения. Кроме того, я чувствовал, что симпатии в отношении ИСП были помешали отбору тех самых революционных кадров, который должен был стать характерной чертой нашего вмешательства в кризис сталинизма в Италии».

Июнь 2025 г.

¹ - Выражение А. Грамши, означающее стремление втиснуть мир в рамки, в прокрустово ложе позитивистского видения.

² - Историческая ассоциация филантропической солидарности. Основана в Милане в 1893 году с целью содействия реализации социальных прав и возможностей посредством учёбы и труда.